

обещаний, партия — **прошлое**, славное и достойное, а премьер скромно согласился на роль выразителя **настоящего**, с его повседневными заботами, житейскими трудностями и малыми делами. Но, в общем и целом, все эти три силы — «прошлое, будущее и настоящее» — это прошлое, будущее и настоящего одного и того же политического строя.

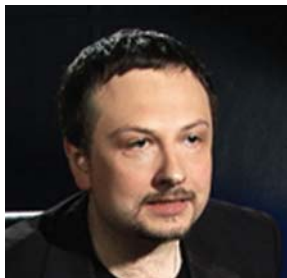
Сохранится ли это единство и в дальнейшем? Не пойдет ли будущее в чересчур смелую атаку на прошлое? Не станет ли, напротив, прошлое оказывать будущему более жесткое сопротивление? Ну и, не выйдет ли настоящее из своего несколько пассивного в идеологическом отношении состояния, чтобы объявить раз и навсегда «конец всех времен»? В определенной степени — ответ на эти вопросы зависит от президента, от того, насколько ему удастся сохранить за своей программой «модернизации» **монополию на «образ будущего»**. Поскольку такая монополия в России — это фактически и есть залог успеха «политического лидерства».

Между тем, подобное распределение ролей, может быть, и удачно для демонстрации цельности нашей властной конструкции, но совершенно непригодно для задач развития. Понятно, что будущее сможет стать будущим только в том случае, если оно явится в то же время настоящим и прошлым. Иными словами, **если президент обретет какие-то возможности влиять на курс государственной политики, имея в качестве своей опоры правящую партию**. С другой стороны, идеологические формулировки партии должны быть не назиданиями обществу о том, каким ему следует стать, чтобы соответствовать интересам власти, а, напротив, требованиями исполнительной власти, как ей нужно действовать, чтобы удовлетворять запросам общества.

На мой взгляд, ключ к успеху замысла «политической модернизации» лежит не столько в усилении многопартийности, сколько вот в таком **перепозиционировании «партии власти»**, которое уже в свою очередь действительно может быть ускорено, облегчено, но и одновременно *скомпенсировано* развитием политической конкуренции в регионах.

В общем, развитие российской политической системы может стать крайне занятным делом в том случае, если общество — внешний четвертый компонент нашей властной системы — наконец примет в нем заинтересованное участие. ■

УМНАЯ ЭКОНОМИКА

АНДРЕЙ АШКЕРОВ — политолог, публицист, доктор философских наук, сотрудник философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, автор книги «Эксперткратия. Управление знаниями» (М.: Европа, 2009)
Специально для РЖ

Носители верховной власти настоятельно обращают к обществу тезис об «умной экономике». По большому счету «умная экономика» — совсем не народно-хозяйственная категория.

В своем выступлении на XI съезде «Единой России» президент Медведев не случайно вновь проговорил эти слова. Съезд состоял из делегатов путинского консенсусного большинства. «Умная экономика» и новый дискурс модернизации для этого большинства вызов: исчезнуть или перемениться?

Основополагающим принципом путинского большинства была выгода как предельное и одновременно минимальное условие сообщества. Путинское большинство сделало, с одной стороны, явью чубайсовскую грезу о приватизационном обществе дольщиков и конкурентов. С другой — оно устранило всякую грань между народом и бюрократией.

«Умная экономика» — это, прежде всего, **разотождествление народа с бюрократией, возвращение ему статуса социального субъекта**. Дабы избежать воскрешения призраков горбачевщины, народ рассматривается не как политическая единица, а как предмет беспрестанной эмансипации. Управляемой. Планомерной. Темперированной, как клавиш.

Принуждать — не закрепощая, а беспрестанно освобождая. Принуждать — не лимитируя выбор, а расши-

ряя его возможности. «Умная экономика» — это политэкономия новой власти, фактором которой являются уже не стоимости, но ценности. Однако ценностное сознание не стоит принимать за чистую монету.

Поэтому «умная экономика» **окончательно ставит крест на двухсотлетней истории интеллигенции**. Ценности в представлении интеллигенции — единственное, что детерминирует существование. Ценности ведут вечную войну с фактами и факторами. Сегодня настало время понять, что это ложное противостояние. Нет ни ценностей, ни фактов самих по себе. Настоящие ценности — это объекты, функционирующие как медиа, которые порождают новые сознания и сообщества.

«Умная экономика» — это не широкополосный интернет. «Умная экономика» — это производственная система, позволяющая создавать такие вещи-медиа. Для возникновения «умной экономики» не нужны «народ» и «интеллигенция», которые соотносились как представляемые без представителей и представители без представляемых. Для «умной экономики» **нужен принципиально иной альянс «интеллигенции» и «народа», превратившийся в новую социальную общность**. Прообраз этой общности в советской инженерной культуре, рекрутированной из народа, но ставшей условием наиглавнейшей формы модернизации — принципов самого обновления жизни. ■